

Ю.Н. Наумова

Как сложился образ «чужака»: социокультурное противостояние репатриантов и местного населения Казахстана

В статье речь пойдет о причинах формирования образа «чужака» по отношению к репатриантам, вернувшимся в Республику Казахстан из Монголии и Китая. На примерах из экспедиционного опыта автор попытается показать, что в социокультурном противостоянии, наряду с финансовыми, социальными, культурными и религиозными предпосылками, важнейшую роль играют традиционные представления и обряды.

Ключевые слова: репатрианты, оралманы, Казахстан, Монголия, Китай, фольклор, традиционные представления, обряды.

Статья посвящена ситуации, сложившейся в последние десятилетия между местным казахским населением и диаспорой, возвращающейся на свою историческую родину – в Республику Казахстан. Мы рассмотрим предпосылки и факторы, повлиявшие на формирование образа «чужака» по отношению к репатриантам, и остановимся на двух примерах, показывающих, какую роль в этом процессе играют традиционные представления и верования.

С получением независимости в 1991 г. Республика Казахстан, как и многие республики бывшего Советского Союза, осознавала необходимость определения своего пути развития, создания имиджа нового независимого государства и актуализации культурных процессов, которые направлены на формирование национальной идентичности. Однако создание новой страны, титульной нацией которой должны были стать казахи, осложнялось плохой демо-

© Наумова Ю.Н., 2017

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 14-18-00590-П «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

графической ситуацией и практически одинаковой численностью славянского населения, если не его большинством.

Решением данной проблемы стала программа по возвращению казахской диаспоры, которая была создана почти сразу после получения независимости Казахстана в 1991 г. С 2008 г. данная программа работает под названием «Нурлы кош» – ‘светлая кочевка’.

Важно отметить, что законом «О миграции населения» Республики Казахстан была установлена терминология, в соответствии с которой казахских репатриантов принято называть словом «оралманы» (досл. с каз. ‘возвращаться’), и в целом ему дано такое определение: «оралманы – иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета РК за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания»¹. Был установлен порядок выдачи квот, по которым переселенцам присваивается статус «оралман», позволяющий получать государственную поддержку: выплаты специальных государственных пособий, поступление в учреждения среднего профессионального образования и вузы, освобождение от консульских сборов за визы на въезд, отсрочка от службы в рядах Вооруженных сил.

Несмотря на юридический статус слова «оралман», оно с самого начала прочно вошло в обиход населения всей страны и стало ярлыком с отрицательным подтекстом для всех казахов-репатриантов, вне зависимости от официального получения данного статуса. Очевидно, что финансовые условия и льготы, перечисленные выше, сыграли в этом не последнюю роль.

В подавляющем большинстве репатрианты уезжали из граничащих с Казахстаном государств – Монголия, Китай, Узбекистан, Киргизстан, Россия. Призывы к возвращению на историческую родину очень быстро облетели все постсоветское пространство. Новый статус суверенного независимого государства позволял развивать в СМИ тему патриотизма, настоящей родины и воссоединения родственников по роду. Известно, что каждый казах должен помнить своих предков до седьмого колена, а также принадлежность к роду и *жузу*², именно поэтому тема воссоединения родственников особенно часто находила отклик у казахской диаспоры и мотивировала вернуться на родину. О том, как выстраивалась информационная кампания в Казахстане и за его пределами и какие заголовки использовались в СМИ в качестве призыва к возвращению, подробно описал в статье «Kazakhstan’s Kin State Diaspora: Settlement Planning and the *Oralman* Dilemma» американский исследователь Александр Динер³. Также он рассмотрел правовые вопросы, политические,

экономические и социокультурные предпосылки, повлиявшие на неприятие репатриантов местным казахским населением.

Пик программы по возвращению диаспоры пришелся на середину 90-х гг., и в результате были достигнуты определенные успехи в решении главной проблемы – увеличения численности казахского населения до преобладающего статуса по отношению к русским, украинцам и немцам⁴. Как отмечают авторы статьи о миграционной политике в Казахстане, «за период с 1991 по 2006 г. прибыло всего 143 343 семей оралманов численностью 565 757 человек. Из них по квоте иммиграции оралманов – 66 217 семей численностью 362 893 чел.»⁵.

Однако в первые же годы успешной реализации программы очевидной стала другая проблема – процесс интеграции репатриантов в современное казахское общество и их социокультурное взаимодействие осложнено из-за разных неучтенных факторов – в результате казахи, вернувшиеся на свою историческую родину, оказались чужаками в глазах местного казахского населения.

На эту ситуацию мы обратили внимание в ходе одной из первых экспедиций к казахам Северо-Восточного Казахстана в 2009 г., когда наши информанты – местные казахи – говорили об оралманах в отрицательном ключе, приводя в пример их образ жизни, иначе проводимые обряды жизненного цикла, незнакомые им мифологические представления и верования. В последующих экспедициях мы с коллегами старались больше спрашивать об этом, чтобы ответить на вопрос: какую роль в формировании образа «чужака» по отношению к казахам-репатриантам играют традиционные представления и верования?

Таким образом, в основе данной статьи лежат экспедиционные материалы, записанные на территории Северо-Восточного Казахстана в период с 2009 по 2017 г. Материалы состоят из интервью, записанных, в частности, от казахов-оралманов, приехавших более десяти-пятнадцати лет назад в Казахстан, что позволило и местным казахам, и оралманам более осознанно и с большей рефлексией отвечать на вопросы по интересующей нас теме.

Отметим, что на 2005 г. обследованный нами регион занимал девятое место по численности оралманов, однако в первые годы реализации программы, т. е. с 1991 г., расселение оралманов происходило в селах Северного и Центрального Казахстана, поскольку именно этот регион в большей степени пострадал от эмиграционного оттока и был заселен русскими и украинцами, а местом отбытия репатриантов были Монголия и Китай⁶, что наложило отпечаток на развитие взаимоотношений двух групп.

Проживая бок о бок в одном селе, местное население и приезжие казахи наблюдают не только за бытовыми особенностями каждой семьи, но и за тем, как проходят праздники, отправляются обряды и в чем реализуются традиционные представления и верования. В приведенном ниже фрагменте интервью информантка говорит о важных для нее отличительных особенностях культуры и обрядовой жизни оралманов, которые конструируют локальную идентичность этого сообщества:

Русского они вообще не знают, только-только вот... Они нас называют русскими, мы же по-русски разговариваем.

[Вы их как-то называете?] Оралманами называем. Ну монголы. Они обижаются, когда монголы говорим. [Они себя считают казахами?] Да, казахами, чистыми казахами.

[Они так и говорят: «Мы настоящие казахи»?] Казахи, да, а вы как русские. Дома вы по-русски разговариваете, у них дети русского вообще не знают. У оралманов акцент, они говорят через «ч».

[Жилье им дают или они сами покупают?] Нет, им сразу дают. Помогают, им помощь дают, деньги давали по 500 долларов каждой семье, что ли... Как-то называется – квота. Потом они себе квартиры покупают. Разбогатели они тут. [Как они праздники празднуют?] У оралманов оралманские, неказахские обычаи. В Монголии они жили в юртах, не в таких домах, жили «как попало», только сейчас стали привыкать, так как увидели, как живут казахи. Они очень дружные. Они, много же их, но не с одного села, с разных сел приехали. Как в гости зовут, они всех зовут – такие дружные. Вот Наурыз встречаем, наши местные казахи Наурыз так не встречают, мы уже обрусели, как русские Новый год встречаем, а эти не встречают. Они Наурыз хорошо встречают – режут скот, стол накрывают, всех в гости зовут. Но все равно мы культурнее, чем они... [Инф. 1].

Проанализировав все интервью, мы выделили причины, которые приводят местные казахи-информанты и участники форума на тему «Почему мы не любим оралманов?»⁷ (более 200 записей) в подтверждение своей негативной позиции. При этом один ряд причин связан с *распределением общих благ*, на которые, как считают местные казахи, оралманы не должны претендовать, однако не просто претендуют, но активно ими пользуются. В данном случае речь идет об упоминавшемся статусе «оралман», который дает право получать жилье, финансовую поддержку от государства, бесплатное повышение квалификации или образование, помощь в трудоустройстве. Отсутствие у оралманов права на пользование общими

благами, которые должны, по мнению информантов, предоставляться государством всем его гражданам, связано с историческим аспектом и патриотическими чувствами. Дело в том, что большая часть оралманов, возвращающаяся в Казахстан, – это те казахи, либо их потомки, которые бежали от коллективизации и голода, от Советской власти в 20–30-х годах XX в. Этот факт, с одной стороны, и тяготы и лишения, которые казахи испытывали в те годы – с другой, прочно отложились в памяти местного казахского населения и по настоящее время вспоминаются с некоторой обидой, заставляя сомневаться в искренности патриотических настроений оралманов.

Другой круг причин, отмеченных в процессе общения с казахским населением, связан со сферой *традиционных представлений, обрядов и религиозных верований*, которые четко показывают, что «мы» не такие, как «они». На первом перечне правовых и финансовых причин мы не будем подробно останавливаться, так как этому посвящены отдельные статьи и исследования социологов и историков. Однако традиционные верования и обрядовая жизнь оралманов как фактор, повлиявший на отношение к ним как к «чужакам», до настоящего времени не принимались во внимание и в подобном контексте не рассматривались. На них мы остановимся подробнее.

Как уже упоминалось выше, оралманы, с которыми нам удалось поработать, являются в основном переселенцами из Монголии и Китая. Прожив там большую часть своей жизни, многие из них привезли с собой не только предметы быта, юрты, скот, но и некоторые элементы монгольской традиции, которая во многом связана с кочевым образом жизни, сохранявшимся многими семьями до момента отъезда. Так, оралманы, еще недавно жившие в юртах и кочевавшие по монгольской степи, вынуждены были приспособиться к условиям жизни в доме, присвоив его отдельным частям и предметам особый статус, в том числе определив место традиционным оберегам.

Например, почетное место в юрте, называемое *тор*, в доме оралманов получило место напротив окна, под ковром, где обычно стоит диван, видимо, по аналогии окно – дверь, так как в юрте тор находится напротив входа. Однако обряды семейного цикла в меньшей степени подверглись изменениям – многие семьи привезли с собой юрты, в которых жили в Монголии, или обзавелись новыми, и важные праздники семейного цикла проводят в них. Это легкообъяснимо, так как пространство юрты для них более освоено и не требует перестроения на «новый лад» всей обрядовой жизни.

Однажды в ходе экспедиционной работы в одном из дворов мы увидели юрту, которая была установлена рядом с кирпичным

домом, в ней шли приготовления к празднованию свадьбы со стороны жениха.

Что касается местного казахского населения, то подобное перестройство в жизни их рода (переселение из юрт в дома и квартиры) произошло намного раньше, и поэтому для молодого поколения некоторые элементы традиционной жизни оралманов оказываются лишёнными смысла. Так или иначе, проживая в селах бок о бок с оралманами, казахи наблюдают за их образом жизни, за сферой ритуального и магического, сравнивая с тем, что видят в своей традиции, и с тем, что предписывают, как им кажется, их религиозные представления.

В ходе анализа интервью (27) мы выявили интересную и важную закономерность, которая, как кажется, даёт ответ на поставленный в начале исследования вопрос. Для жителей сёл, которые тесно взаимодействуют с оралманами и имеют возможность наблюдать за их жизнью, одним из главных аргументов, объясняющих восприятие оралманов как «чужаков», оказываются верования и обряды, плохо поддающиеся объяснению с точки зрения их традиционного знания. При этом причины социально-экономического характера в аргументации часто отходят на второй план. Для информантов, живущих в городах или селах, где нет возможности наблюдать за жизнью оралманов, и имеющих плохое представление о них, главным аргументом, отграничивающим «нас» от «них», является социально-экономический аспект и защита от посягательств на общие блага и ценности, предоставляемые государством. Таким образом, неспособность объяснить какой-либо элемент из жизни оралманов теми моделями, которые закреплены в традиционном знании, позволяют казахам интерпретировать его как нечто, выходящее за пределы их традиции, а значит, чуждое, привнесённое.

Попробуем на примерах разобраться, как работает этот механизм, отделяющий «свое» от «чужого» в сфере традиционных представлений. Можно выделить две ситуации, в которых то или иное обрядовое действие или верование получает статус «чужого», не входящего в область осмысленного и понятого.

1. Элементы традиции, которые заимствованы из монгольской, у казахов никогда ранее не были зафиксированы и по этой причине им неизвестны. Подобные элементы традиции правомерно маркируются как «чужие» и, как правило, сопровождаются комментарием: «Такого у казахов нет», «Это не наше, это есть у другого народа» и т. д.

2. Элементы традиции, известные всем казахам, однако по-разному интерпретируемые обеими группами: при этом местные казахи, как правило, опираются на псевдорелигиозные объяснения,

а оралманы – на свои традиционные. В такой ситуации тот или иной элемент маркируется как чужой еще и с точки зрения религии, тогда информанты говорят, что оралманы – немусульмане, язычники.

В качестве примера к первой ситуации можно привести следующий. После одного интервью в доме информанта собиратели заметили странный предмет, висевший на стене рядом с входной дверью. Это была шкурка настоящего ежа. Как объяснили хозяева, из-за колючих иголок, которых, по представлениям монголов, боятся демоны, шкуру ежа оралманы используют в качестве оберега и вешают в юрте у входа. Переселившись в дома, оралманы привезли с собой и этот оберег и сейчас в некоторых домах его можно увидеть на стене рядом с входной дверью или над ней. Узнав об использовании подобного оберега, местные казахи назвали это кощунством, пришли в ярость и замешательство, сказав, что оралманы язычники и не имеют ничего общего с мусульманами. В результате беседы с информантом однажды даже было высказано предложение о необходимости просвещения оралманов и посвящения в «настоящее» мусульманство.

Ярким примером, иллюстрирующим вторую ситуацию – ситуацию различающихся интерпретаций, можно считать использование в ритуально-магической сфере казахов оберега в виде перьев филина. Этот оберег активно используется по настоящее время как местными казахами, так и оралманами. Перья филина используют широко, во многих обрядах семейного цикла – подвешивают к колыбели младенца, к головному убору невесты или ребенка, к гриве лошади. В настоящее время этот оберег можно увидеть в салоне автомобилей также в качестве оберега. Как правило, выбор перьев именно этой птицы объясняется ее священностью – но далее интерпретации расходятся: местные казахи приводят псевдорелигиозные интерпретации, говоря о том, что на его перьях можно прочесть суры из Корана, а также о том, что о священности этой птицы написано в самом Коране.

Например:

[Мы слышали, что на крыльях филина есть слова из Корана. Откуда они там?] Это творение Аллаха. Никто другой этого не делал. [Почему Аллах выбрал именно филина?] На эту птицу снизошла божья благодать, она священная [Инф. 2].

Казахи-оралманы отмечают лишь священность этой птицы, равно как и ежа, а на вопрос собирателя: «Почему же ее можно убивать?», отвечают, что это разрешено не всем, а только особым охотникам. Конечно, данная интерпретация более слабая и не вы-

держивает конкуренции со священностью этой птицы, отмеченной в Коране, поэтому признается местными казахами неправильной, связанной с иными религиозными представлениями оралманов. Приведем еще один пример о священности филина и о его роли посредника между Всевышним и миром людей:

[Вы не слышали про птицу такую филин?]

Филин – священное животное. Я не знал, голубь тоже считается священным. <...> [Информант – местный знахарь, рассказывает о том, как к нему обратился молодой певец с просьбой помочь.] Он не один тому свидетель, еще два человека были, один из них Марат Омаров – наш певец и композитор в Алматы. Он пришел к [Жакып-ата] и говорит: «Открой мне дорогу, потому что мне что-то дороги нету, ну как не везет мне, пути нету». Вот он [информант] повез его к могилам святых и там молитву читал. Когда читал молитву, на полумесяц железный, туда сел филин, сидел до последнего, пока не прочитается молитва. Молитва прочиталась, упало два пера с филина. Два пера. А Жакып-кажы сказал: «Ой, подними», Марату Омарову, и певец, композитор взял их. И вот как бы получается, что он... вот связующее звено между... ну вот этот Коран и филин, который доносит до Всевышнего, как бы он свидетель этому всему, это священное животное. На самом деле, на оперении Жакып-ата [говорит]: «Алла деген... Алла». «Алла» слово. Многие не знают это, что там написано, а вот как бы там есть слова из Корана [Инф. З].

Отметим, что филин занесен в Красную книгу, и все подобные обереги, которые продаются в сувенирных магазинах, сделаны из перьев других птиц.

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы.

Проживая на одной территории, в одних селах, оралманы и местные казахи проявляют активное внимание и интерес к обрядовой жизни и сфере представлений и верований друг друга. Они находятся в ситуации постоянного наблюдения и отсеивания «своего» от «чужого», а критерием для этого являются отдельные элементы традиции, которые проходят своеобразную проверку народным знанием и потенциальной способностью быть вписанным в ту или иную интерпретационную модель. Элементы, не прошедшие проверку, становятся «кирпичиком» в конструировании образа «чужаков», и чем больше таких элементов, тем ярче образ.

Сфера обрядовой жизни и верований оралманов является одним из важных критериев в конструировании образа «чужаков» для тех казахов-информантов, которые владеют традиционным знанием и способны рефлексировать и видеть то, что происходит с традицией

и вокруг нее (чаще – пожилые информанты, жители сельской местности), в противном случае – неприятие оралманов аргументируется бытовыми, социальными и финансовыми причинами.

Список информантов

- [Инф. 1] – Сулейменова Оркен, 1947 г. р., казашка, повар. Зап. в с. Маралды Павлодарского района Павлодарской области, Казахстан, июль 2011 г.
- [Инф. 2] – Баймагамбетова Сауле, 1958 г. р., казашка, *емші* (знахарка). Зап. в пос. Баянаул Павлодарского района Павлодарской области, Казахстан, июль 2013 г.
- [Инф. 3] – Калеаскаров Жакып-Кажы, 1945 г. р., казах, *сынжышы* (знахарь-костоправ). Зап. в пос. Заря Павлодарского района Павлодарской области, Казахстан, июль 2010 г.

Примечания

- ¹ *Суондыков А.М., Сулейменова Р.Х.* Миграционная политика в Казахстане // Казахи Омского Прииртышья: история и современность / Отв. ред. Ш.К. Ахметова, Н.А. Томилов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2007. С. 201.
- ² Жүз (каз. жүз – ‘союз’) – исторически сложившиеся племенные союзы казахских родов, выделяют три жуза: старший, средний и младший.
- ³ *Diener A.* Kazakhstan’s Kin State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma // *Europe-Asia Studies*. Vol. 57. № 2. 2005. P. 327–348.
- ⁴ По данным Всеобщей переписи населения на 12 января 1989 г., доля казахского населения от общей численности составляла 40% – 6 497 000 человек, на 25 февраля 1999 г. численность казахского населения возросла до 53,5% – 8 011 000 человек, на 25 февраля 2009 г. – до 63,1%, или 10 097 000 человек. См. подробнее: *Жумасултанов Т.* Численность населения страны превысила 17 миллионов человек [Электронный ресурс] // Экономика и статистика. № 3. 2013. URL: <http://docplayer.ru/29347111-Agentstvo-respubliki-kazakhstan-postatistike-ekonomika-i-statistika.html> (дата обращения: 10.09.2017).
- ⁵ *Суондыков А.М., Сулейменова Р.Х.* Указ. соч. С. 204.
- ⁶ О казах-оралманах, вернувшихся из Китая, см.: *Cerny A.* Going where the grass is greener: China Kazaks and the Oralman immigration policy in Kazakhstan // *Pastoralism. Research, policy and practice*. Vol. 1. No. 2. 2010. P. 218–247.
- ⁷ Почему в Казахстане не любят оралманов? [Электронный ресурс] // Казах. ру. URL: <http://www.kazakh.ru/talk/mmess.phtml?id=9653> (дата обращения: 10.09.2017).